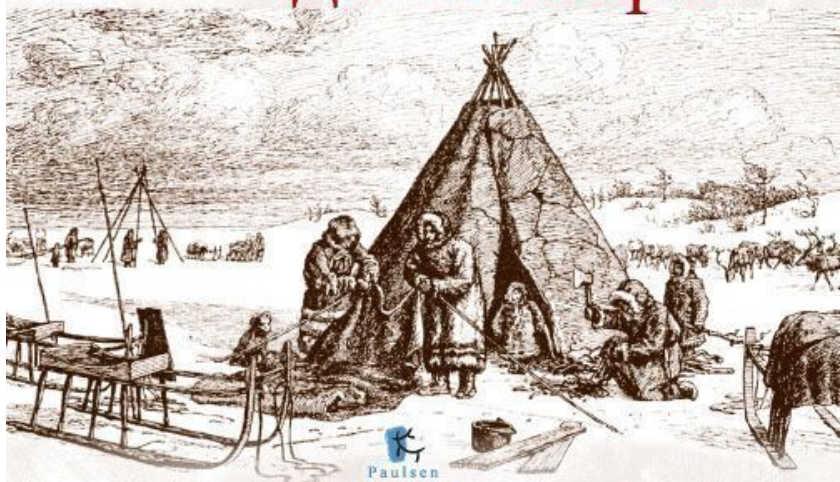

Сигерт О. Патурссон

От Фарер до Сибири

Сигерт Патурссон

От Фарер до Сибири

Серия «Впервые на русском»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63410218

*От Фарер до Сибири:
ISBN 978-5-98797-236-6*

Аннотация

Сигерт Патурссон, уроженец Фарерских островов, описывает свое путешествие по Сибири, предпринятое им в 1889–1895 гг. Автор приводит данные по географии, этнографии, культуре, экономике Сибири конца XIX в., описывает нравы и обычаи ее коренных народов, с натуралистическими подробностями рассказывает о своем участии в ритуалах жертвоприношения и шаманизма. Впервые книга вышла в свет в 1901 г. в Копенгагене на датском языке, переиздана в 1994 г. на фарерском.

Настоящее издание продолжает серию книг «Впервые на русском», выходящих в издательстве «Паулсен».

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие переводчика[1]	5
Глава I	16
Глава II	25
Глава III	36
Глава IV	44
Глава V	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сигерт Патурссон

От Фарер до Сибири

© Перевод, оформление. Паулсен, 2019

Предисловие переводчика¹

Автор книги «От Фарер до Сибири» Сигерт Олуф Патурссон родился в 1869 году на Фарерских островах в поселке Чирчубёвур (*Kirkjubøur*). Родина Патурссона – небольшой архипелаг из восемнадцати живописных островов, затерянных в самом сердце Северной Атлантики в треугольнике между Исландией, Норвегией и Шотландией.

Жители архипелага – фарерцы – являются потомками викингов из Западной Норвегии, начавших заселять острова в IX веке н. э. Фарерские острова до прихода викингов были практически безлюдными, не считая редких поселений ирландских монахов-отшельников. С XI века Фарерами владели норвежские короли, а с 1380 года после заключения Кальмарской унии острова вместе с Норвегией отошли к Дании. Фареры долгое время были датской колонией, но в 1948 году им была предоставлена широкая автономия в составе Королевства Дании, разрешено иметь собственное правительство, парламент, законы, бюджет. В отличие от Дании Фарерские острова не входят в Евросоюз и Шенгенскую зону. Местные СМИ вещают на фарерском языке (прямом потом-

---

¹ В Предисловии использованы материалы статьи Тури Сигуардоттир «Siberia 140 years ago – seen through Faroese eyes» // Северные грани: Международный альманах. Выпуск № 8. М.: МАКС Пресс, 2019. – *Здесь и далее все сноски без указания авторства принадлежат переводчику.*

ке языка викингов), на нем же ведется обучение в школах. Однако Фареры не самостоятельны во внешней политике, обороне и сфере юстиции и получают от датской метрополии ежегодную субсидию в размере 3–4 % местного валового внутреннего продукта².

Изолированность Фарерских островов, бедность природы и непростые климатические условия делают их далеко не самым пригодным для проживания местом. Благодаря морскому климату зимы там мягкие, однако нередки ураганы, а прохладным летом обычны дожди и туманы. Из-за обилия осадков, сильных ветров и отсутствия большую часть года солнца сельскохозяйственные культуры на островах почти не выращиваются; гораздо шире распространено животноводство – разведение овец (по одной из версий, «фарерские» означает «овечьи»). Но основное и практически единственное богатство местного населения – морские ресурсы; все фарерцы (по крайней мере, мужчины) – прирожденные рыболовы и мореплаватели.

В таких почти спартанских условиях и появился на свет Сигерт Патурссон. Впрочем, он происходил из влиятельной, по местным меркам, семьи, которая владела самой боль-

---

² Здесь читателю должна стать понятной ошибочность распространенного мнения, согласно которому Фарерские острова – это область Дании. Ни фарерцы, ни датчане этот архипелаг Данией никогда не назовут. Вместо этого корректнее говорить о том, что Фареры вместе с Данией и Гренландией составляют *тсаокх рнаанзьяюват есмвооею Оибдъеендтиинченнонсоть. королевство* (дат. *rigsfaellesskab*), в рамках которого все три его участника 7

шой фермой на островах. Его прадедом был Поул Поульсен Нольсё, прославившийся под именем Нёльсойар-Подл (*Nólsoyar-Páll*), – видный литератор, предприниматель и, конечно же, рыболов. Родная деревня Патурссона в Средние века считалась столицей Фарер, о чем напоминает расположенное там недостроенное здание собора Св. Магнуса (хотя столичный статус уже давно перешел к находящемуся в нескольких километрах от Чирчубёвура городу Торсхавну). Благодаря всем этим обстоятельствам, а также полученному в семье воспитанию практически все дети четы Патурссонов, включая Сигерта, стали известными людьми. Больше всего прославился старший брат Йоуаннес, писатель и поэт, лидер национального движения за независимость Фарер, создатель и поныне существующих Партии самоуправления (*Sjálvstýrisflokkurin*) и Народной партии (*Fólkaflokkurin*). Сестра Хелене активно боролась за права женщин, стала первой женщиной-писателем и публицистом, писавшим на фарерском. Еще один брат – Сверре – видный писатель, поэт, журналист, а самый младший из братьев – Гасет – был первым ученым-ботаником и создателем агрономической науки на Фарерах.

Сигерт Патурссон сначала обучался на дому, потом начал посещать школу в Торсхавне. Отец с семилетнего возраста учил его гимнастике и стрельбе, а также манерам высшего общества, включая столовый этикет и балльные танцы. Эти познания позже очень пригодилось Патурссону при свет-

ском общении в крупных сибирских городах, где ему удалось снискать популярность (гл. XVIII – описание устроенного сургутской знатью роскошного приема в честь Патурссона как «земляка императрицы», то есть датчанки Марии Федоровны, жены Александра III). Помимо родного фарерского Патурссон также мог изъясняться на английском (разговор с ссыльным поляком, гл. XXV), немецком (с молодыми дамами в Тобольске, гл. IV) и французском (с сербкой-гадалкой, гл. XX), а благодаря датскому, которым владели и владеют все образованные фарерцы, он мог также понимать шведский (гл. I) и норвежский (возможно, это был родной язык капитана судна «Мар8 гарита» Миккельсена). И, разумеется, юный Сигерт умел то, что умели все фарерские мужчины вне зависимости от своего социального статуса, – пасти овец, ловить рыбу, охотиться, плавать на лодке по бурным волнам Северной Атлантики.

Таким образом, Патурссон физически, психологически и практически был прекрасно подготовлен для того, чтобы путешествовать по просторам Крайнего Севера.

И случай не заставил себя ждать. Между 1887 и 1889 годами Патурссон познакомился с работавшим в Торсхавне шведским инженером, у которого он увидел книгу о Сибири. Прочитав ее, юный романтик «заболел» этим краем, прямо называя его в своей книге «землей будущего».

В итоге Патурссон отправился в путешествие в Сибирь, которое иначе как крайне рискованным назвать нельзя.

Несколько раз лишь чудо спасало его от верной гибели. Однако его юношеский энтузиазм, дух авантюризма, а также фарерская закалка, сноровка и упорство всегда помогали ему брать верх над попадавшимися на его пути бесчисленными трудностями и препятствиями.

Благодаря Патурссону мы обладаем ценнейшими описаниями быта как коренных народов Сибири (ненцев, хантов, эвенков и др.), так и проживающих там русских. Специалистам могут быть интересны детальные описания рельефа, климата, флоры и фауны районов Сибири, где побывал наш автор.

Патурссон, судя по всему, был первым фарерцем, выучившим русский язык. И уж точно единственным уроженцем Фарер и одним из немногих иностранцев, освоивших ненецкий язык и, вероятно, в какой-то степени – наречия соседних самодийских народов, а также хантов.

Возможно, читателю не всегда понравится юношеский максимализм Патурссона, проявлявшийся, в частности, в его отношении к обычаям местных жителей. Воспитанный в духе позитивизма науки XIX века, фаререц без особого уважения относился к языческим верованиям сибирских аборигенов, порой открыто выражая свою неприязнь к ним и доводя дело до конфликтных ситуаций. Тем не менее, когда нашему герою представилась возможность присутствовать на церемонии жертвоприношения язычников, исследователь в нем моментально победил моралиста и он, невзирая на 65-

градусный мороз, отправился наблюдать за этим обрядом и даже участвовать в нем (гл. XV).

Далеко не все, о чем Сигерт Патурссон пишет в своей книге, мы можем принять на веру. Ошибочны его утверждения о том, что в амурском регионе водятся львы, а в степях Южной Сибири и нынешнего Казахстана – яки, которые на самом деле обитают лишь в высокогорных регионах (гл. XXIX). Сибирских комаров и мошек Патурссон на протяжении всей книги называет ядовитыми, что сильно преувеличено. В последней главе автор излагает фантастическую версию происхождения Ермака и завоевания им Сибири, основанную, как можно предположить, на народных легендах или «популярной истории». Не будучи хорошо знакомым с географией Украины, автор называет Запорожье островом.

Местами Патурссон непоследователен в изложении. Например, в главе XV он начинает рассказывать о своей остановке на острове Ямбург, но потом его мысль прерывается и он переходит к рассказу о коренных народах Сибири. Возможно, именно из-за этого фрагмент «Сила воображения в одиночестве полярной ночи», обозначенный в подзаголовке главы XV, так и не был написан автором. В главе XXIII автор, описывая русскую свадьбу, упоминает, что стол ломился от закусок, среди которых было и мясо, но, когда речь заходит о главных блюдах, он пишет, что русские даже на свадьбах едят «непритязательную» еду – поэтому, мол, мяса на столе не увидишь. В главе XXVII, рассказывая о рыбаках, ранее

сидевших в тюрьме, он утверждает, что никто из них не родился в Сибири, а в следующих строках говорит, что один из них все-таки рожден именно там.

Очевидно, подобные несостыковки объясняются тем, что книга создавалась на основе многочисленных путевых заметок автора, накопившихся за шесть лет поездки, и автор не до конца сумел подчистить и унифицировать текст, – это, впрочем, никоим образом не умаляет его достоинств.

Книга была написана и впервые издана на датском языке, который до середины XX века был основным письменным языком фарерцев. Однако в одном месте (гл. XX) автор не удержался и употребил в кавычках фарерское слово *tinganaest* (совр. *tinganest*), означающее «гостинец», – видимо, не найдя подходящего датского аналога. В главе VII он упоминает фарерское название игры в ниточки – *krágefótur* (совр. *krákufótur*), дав лишь буквальный перевод на датский («нога вороны»), хотя в датском языке эта игра называется по-другому (*kattens vugge*, то есть «кошачья колыбель»).

Свои путевые заметки Патурссон опубликовал в двенадцати частях в 1900–1901 годах. В 1901 году они были выпущены единым томом под названием «Сибирь в наши дни» (*Sibirien i vore dage*). Датский издатель настоял на замене имени Сигерт (*Sigert*) на созвучное ему, но более распространенное Сигурд (*Sigurd*), считая, что это прибавит популярности книге доселе неизвестного молодого фарерского автора.

Несмотря на настоящий бум арктических экспедиций, охвативший мир в конце XIX – начале XX века, Сигерту Патурссону не суждено было превратиться в настоящего полярного исследователя, хотя у него и были все предпосылки к этому. Однако путешествовать он не прекратил. После возвращения из России в 1895 году он посетил ряд других стран, в том числе Монголию и Египет. Впоследствии опять бывал в России, на этот раз предпочтя морозному северу теплый юг: в 1911 году на русском языке была издана его книга «Курорты Кавказа; Кавказские Минеральные Воды», а в 1912 году – «Курорты Крыма». В обоих случаях автор фигурировал под именем Сигурд О. Патурссон и Киркюбе, где последние два слова (*í Kirkjubø*, то есть в Чирчубёвуре) относились к его малой родине, которую фарерцы нередко отмечают в своих причудливых фамилиях.

Книга «От Фарер до Сибири» будет интересна специалистам по истории, этнографии, географии, уралистике и другим дисциплинам. Для жителей Сибири она будет познавательна как описание жизни и быта их недавних предков, живших почти 130 лет назад. Не менее интересна она и для обычного читателя, ищущего в книге не скучных информационных выкладок, а приключений – их в произведении Патурссона тоже представлено с избытком, причем не выдуманных, а пережитых им самим в реальности. И, наконец, выход этого произведения будет приятным подарком как россиянам, интересующимся Фарерами, так и друзьям

Январь – февраль 1891: попытка достичь Новой Земли.
Возвращение на Южный Таз
Февраль – май 1891: Гыданская губа – полуостров Таймыр
– возвращение на Южный Таз
Лето 1891: Тазовская губа
Осень 1891: полуостров Ямал
Ноябрь 1891 – январь 1892: Сургут, Тундрена. Отъезд в
Тобольск
Февраль 1892: Тобольск
Февраль 1892 – июнь 1893: Тюмень
Февраль 1893 – поездка в Ирбит на ярмарку
Июнь 1893: Тюмень – Тобольск – Самарово – Тундрена –
Сургут – Томск
Лето 1893 – март 1895: Томск и окрестности
Март – май 1895: Томск – Барнаул – Бийск – Барнаул –
Томск
Июль 1895: Томск – Мариинск – Ачинск – Енисейск –
Красноярск – Иркутск
Июль – сентябрь 1895: Иркутск – Ангара – Енисейск –
Туруханск – Гольчиха – Енисейский залив
Сентябрь – ноябрь 1895: Енисейский залив – Северный
Ледовитый океан – остров Белый – остров Вайгач – остров
Вардё (Норвегия) – Тромсё – Олесунн – Ньюкасл (Велико-
британия) – Лондон – Копенгаген – Фарерские острова

Сигерт О. Патурссон (1869–1931)

Глава I

Из Фарер в Россию

Прощание с Фарерами. – Курс на Торсхавн. – В Шотландии. – Любопытные датчане. – Путешествую по Швеции. – Разговариваю в Емтланде по-фарерски. – Изучение русского языка в Стокгольме. – Проблемы с таможней в Санкт-Петербурге. – Москва. Башня Ивана Великого. – Из Москвы в Самару, а затем в Уфу

Это случилось погожим июньским утром 1889 года. Я в последний раз поцеловал семью и друзей, окончательно с ними попрощавшись. После этого я отправился на пароме до Торсхавна³, где должен был сесть на почтовое судно. Величественная фарерская природа казалось мне красивее, чем когда-либо ранее. На черных, как уголь, горах, возвышавшихся над зеленой равниной, где находился мой дом, золотое сияние солнца встречалось с каплями воды, которые делали цвет скал еще чернее. Подобно тому как сверкает и светится дорогая шкура черной лисы, когда шевелятся ее отдельные волоски, или как сияют драгоценные камни в оправе, так в это утреннее время светила и сияла обрывистая гора над пе-

---

³ Торсхавн («гавань Тора») – столица и крупнейший населенный пункт Фарерских островов – автономного региона Королевства Дания. – *Прим. ред.*

щерой Сверрахола⁴. Море блестело как зеркало, цветы распустили свои лепестки, через фьорд слышались крики куликов, из выси небесной синевы доносились песни жаворонков, а над морем крупными стаями пролетали кайры.

Мое восемнадцатилетнее сердце застучало необычным образом, когда в глубине души зародилось новое, ранее неведомое чувство – тоска по дому как неотъемлемая часть любви к родине.

Но мне нужно было отправляться в путь. И когда пароход «Тюра» после полудня поднял якорь, я, опираясь на поручни, двенадцать раз взмахнул платком, окончательно прощаясь с множеством лодок, на которых были знакомые лица, только что проводившие меня на судно.

В полночь наши скалистые спутники – Фарерские острова – исчезли за горизонтом. На борту было четыреста исландских эмигрантов, заполонивших весь трюм, среди них – женщина, которая прыгнула за борт. Причиной была ее крайняя нужда. Но через двенадцать минут женщину подняли на палубу и привели в чувство. Она не пошла ко дну лишь благодаря своим плотным юбкам. Другая женщина-эмигрант увеличила число пассажиров, родив мальчика.

После двух дней плавания мы приплыли в Лит⁵. Я отправился на кэбе в Эдинбург. Под предлогом того, что было вос-

---

⁴ Пещера на горе, возвышающейся над деревней Чирчубёвур на острове Стреймой. В этой пещере родился король Сверрир (Сверрир Сигурдссон). – *Прим. авт.*

⁵ Порт в Шотландии, в настоящее время – район Эдинбурга.

кресенье, извозчик за пятнадцатиминутную поездку взял с меня шесть шиллингов. Воскресенье в Шотландии – официальный выходной: с утра люди идут в церковь, во второй половине дня читают «Отче наш» дома или гуляют в парках и садах. По воскресеньям никто не занимается спортом, а в домах жителей, особенно интеллигенции, как правило, царит праздничная атмосфера и покой. Домашнее фортепьяно обычно стоит закрытым, в лучшем случае кто-то может сыграть псалом или хорал. Пивным заведениям разрешено продавать спиртное только приезжим.

Я провел несколько замечательных дней в этом живописном горном шотландском городе, красоту которого отмечают все туристы. На главной улице Принсес-стрит по левую руку можно увидеть открывающийся красивый вид на находящуюся в центре города крепость, где когда-то сидела в заключении королева Шотландии неудачливая Мария Стюарт. В центре города можно прогуляться мимо парков и скульптур, справа от которых стоят красивые дома и строения с множеством ювелирных магазинов, где в витринах сверкают драгоценности и где также можно увидеть выделанную голову шотландского барана с большими изогнутыми рогами, усыпанными золотом и серебром. Особо приятное впечатление оставляют стройные и крепкие мужчины, многие из которых ходят по улицам в красивых, разноцветных национальных костюмах горцев, а некоторые – в военных мундирах. Представители образованных слоев населения здесь

очень вежливы, просты и всегда готовы прийти на помощь, поэтому поездка в Англию всегда будет вспоминаться с радостью. После восьмидневной остановки в Шотландии я направился с пароходом «Торса» через норвежский Кристиансанн в Копенгаген, где, однако, пробыл совсем недолго. Жители города мне очень досаждали: как только я показывался на улицах в фарерском национальном костюме, меня тут же окружали и начинали наперебой задавать вопросы. Поэтому не оставалось ничего другого, кроме как переправиться через пролив в Мальмё. Шведы оказались менее любопытными. По железной дороге я приехал на вокзал Спаррехолм, а оттуда – в Вальхаллу, дачный поселок в провинции Сёдерманланд. Я познакомился с семьями дворян, священников, купцов и землевладельцев, на протяжении нескольких месяцев пользуясь шведским гостеприимством. Несмотря на посещение балов, светских раутов и т. п., я не забывал поддерживать отношения с лесниками и любящими охоту джентльменами, с которыми я много раз удачно сходил в походы. В конце лета того года я покинул Вальхаллу и отправился в шведскую провинцию Норрланд. Там в области Емтланд разговаривают на разновидности древнескандинавского языка, который мне очень сильно напомнил мой родной фарерский.

Было забавно вступать в беседу с пожилыми емтландцами: они говорили на своем языке, я – на фарерском, и разговор проходил без каких-либо проблем. Я охотился на лосей, зайцев, куропаток, вебрей и уток, переплывал на лодке озе-

ро Миклеваттен, где проживает Змей Мидгарда⁶, а под конец съездил в путешествие к лопарям⁷ в горах С్యюлтоппар у норвежской границы. Бодрящим холодным осенним утром я отправился в путь к С్యюлтоппар с сыном приютившего меня хозяина, который был кандидатом теологии. Мы прошли через чащу располагавшегося по соседству леса и некоторое время следовали вдоль реки Эно, после чего вышли на одиноко стоящий хутор, где взяли лодку, чтобы продолжить свой путь по реке. Пропутешествовав на лодке достаточно много времени, мы пристали к берегу и пошли пешком через леса и горы. В сумерках мы вышли на широкое плато в тундровых районах Швеции. Там мы наткнулись на три «палатки», то есть чума, увидеть которые мы и стремились. Их обитатели встретили нас очень радушно. Мы подкрепились своим походным провиантом с кофе, которым нас угостили лопари, а ночь проспали на мягких дубленых оленьих шкурах. Утром хозяйка, пышущая здоровьем и хорошо сложенная полноватая женщина, угостила нас олениной, от которой я – по непривычке – отказался, вежливо попросив прощения. Впоследствии мне пришлось таким же образом пересиливать себя, когда я пробовал первый кусок сырого мяса и сырой рыбы, которыми меня в Сибири угощали юра-

---

⁶ Змей Мидгарда, или Мировой Змей, Ёрмунганд – персонаж скандинавской мифологии.

⁷ Совр. саамы.

ки-самоеды⁸. Посещение лопарей оказалось для меня очень интересным опытом. Эти гостеприимные люди были к нам настроены очень дружелюбно и совершенно не хотели брать с нас денег, которые мы, прощаясь, положили на поднос с кофе. Мы покинули эти конусообразные жилища, покрытые берестой и дерном, где, как бы то ни было, было приятно находиться внутри. Снаружи в березовых зарослях везде были развешаны куски свежей оленины. У широкой горной реки, путь которой пролегал по каменистому руслу, был построен сарай для хранения пушнины и еды. Снаружи играли красивые и пышущие здоровьем дети лопарей – они вносили оживление в жизнь стойбища, радостно крича, когда мы шли мимо них по направлению к Сюльтоппар под чистым и прохладным небом высокогорья. Когда мы наконец добрались до одного из самых высоких пиков этих гор и поочередно посмотрели на Норвегию и Швецию, солнце зашло за горизонт, а вечерний багрянец распространил умиротворенность на обе страны, чьи жители еще не научились понимать друг друга⁹.

Я вернулся из Емтланда в Вальхаллу, а оттуда поехал в Стокгольм, где в течение месяца изучал русский язык.

В январе 1890 года я сел на пароход «Экспресс», который

---

⁸ Совр. ненцы.

⁹ Автор намекает на напряженность между Швецией и входившей тогда в ее состав Норвегией, стремившейся к независимости, которую она получила в 1905 г.

довез меня до Хангё¹⁰ в Финляндии. Далее путь следовал по железной дороге через Санкт-Петербург, Москву и Самару в Уфу, а оттуда на санях через Урал к сказочной земле – Сибири.

В Санкт-Петербурге у меня было много хлопот с полицией и таможней, так как они конфисковали у меня ружья и долго их не отдавали. После того как я целую неделю мотался с нанятым мною переводчиком между таможенным и полицейскими участками, мне в конечном счете удалось заплатить достаточно большую пошлину и получить обратно свое охотничье снаряжение с другим багажом. Это упростило решение вопроса о получении в паспортном бюро для иностранцев столь необходимого мне разрешения на проезд в Россию.

Когда я наконец смог покинуть грандиозный град Петра Великого с его широкими улицами и великолепными дворцами, где я задержался больше нужного, я направился в Москву, будучи одновременно и рассерженным, и радостным. Когда я приехал в город колоколов (говорят, что их в Москве около семи сотен), в связи с религиозным праздником повсюду был слышен их звон. Из-за этого я толком не смог отдохнуть, что мне очень хотелось сделать после всех мытарств в Санкт-Петербурге. Сразу по приезде я посетил датского консула, профессора, полномочного посланника Тора Ланге. Этот любезный и гостеприимный представитель Дании уделил мне все свое внимание. За те три дня, что

---

¹⁰ Фин. Ханко.

я гостил у консула и его необыкновенно приветливой жены, у меня появилась прекрасная возможность осмотреть город. Московский Кремль (крепость) вполне стоит того, чтобы его посетить. Вход туда пролегает через тройную арку. Сверху над одной из арок находится барельеф Святой девы, проходя мимо которого следует снимать головной убор. Знаменитый колокол – тот самый, что упал с башни *Ивана Великого*¹¹ и который так стремятся увидеть все приезжие, – лежит на земле. Он настолько широкий, что внутри него вполне могут танцевать вальс три-четыре пары. От края колокола откололся небольшой кусок, поэтому люди могут заходить внутрь как через обычный дверной проем. Внутри колокол насчитывает шесть локтей¹² в высоту. С внутренней стороны вала лежит несколько заржавелых пушек. Дома в Кремле, как и практически везде в остальной части Москвы, красивы, построены из красного песчаника и имеют железные крыши, окрашенные в зеленый или синий цвет. При солнечном свете город, если на него смотреть с колокольни Ивана Великого, необычайно красив – золотые купола и крыши домов сверкают и сияют на солнце, оживляя этот кипящий жизнью город, который одновременно принадлежит и Азии, и Европе.

---

¹¹ Курсивом выделены слова и цитаты на русском и других языках России, приведенные автором в тексте латиницей и записанные им со слуха. Русские слова приведены в стандартной орфографии. В случае частых повторений таких слов курсив обычно опускается, однако может использоваться снова спустя большой промежуток текста.

¹² Один локоть – 77 см.

В Самаре я погостил у одного видного датского агронома и консультанта в области сельского хозяйства. Мы прогулялись по льду Волги, на берегу которой стоит город. Когда я приехал в Уфу, там был открыт рынок, из-за чего наблюдалось большое оживление. Я завершил подготовку своего снаряжения и в дополнение к тому, что у меня имелось, добыл енотовый и бараний тулупы, а также валяные шерстяные сапоги¹³ – теперь я был достаточно хорошо экипирован для трехдневной поездки на санях через Урал в Екатеринбург.

---

¹³ Т. е. валенки.

Глава II

О неизведанной Сибири

Пересечение Урала. – С Сибиряковым. – Земля будущего. – Пасхальное шествие

Прошло много времени, прежде чем я сумел объяснить управляющему станции в Уфе, что мне были нужны извозчик и *три лошади (тройка)*. В конечном счете он понял, что я от него хотел. В *повозку* были запряжены три борзых коня, которым так хотелось пуститься вскачь, что их едва сдерживали три могучих крестьянина, пока все не было готово. В то время когда запрягали коней, я сидел в комнате писаря и наслаждался русским чаем из *самовара*. После этого я вышел во двор и уселся в упряжку на солому, покрытую подушками и мехами. Крестьяне вывели коней, и мы помчались вперед. Мы неслись по ровной дороге, вниз и вверх по склонам, через покрытые льдом реки. На самых крутых подъемах мне больше всего хотелось попросить извозчика снизить скорость, но вместо этого раздавались удары плетью с дружелюбными и в то же время бешеными криками: «*Лусатейма! Ай, голубчик!*», и мы неслись на восток без остановок, пока не сделали первый привал в сорока *верстах* (около шести миль)¹⁴ от Уфы.

---

¹⁴ Автор пользуется здесь датскими милями, составляющими около 7,5 км.

За те три дня и три ночи, что я ехал через Урал до Екатеринбурга, дорога была однообразной, путешествовать одному было скучно. Мы ехали днем и ночью, останавливаясь только для смены лошадей. Холодный пейзаж, который мы проезжали, был пустынным и безжизненным. Я видел между деревьями двух отвратительно каркающих воронов – но больше никакой живности. Периодически нам попадались крестьяне. Когда они слишком мешкали, уводя своих коней в снег глубиной с локоть, чтобы мы могли проехать по узкой дорожке, извозчик хлестал их плетью по спине или лицу. Сочувствие, которое я испытывал по отношению к этим так несправедливо пострадавшим людям, не уменьшало их боль.

Утром третьего дня после отъезда извозчик сказал: «*Вот Урал!*» Перед нами предстали низкие холмы и гряды, которые, извиваясь, сменяли друг друга и вскоре остались позади. Вдали, к северо-западу от Обдорска¹⁵, горы Урала весьма красивы, на них обитают многочисленные дикие козы и другие животные.

На одной из остановок на Урале я волей случая познакомился с Сибиряковым¹⁶, известным сибирским купцом и активным сторонником развития морского сообщения в Се-

---

Верста равнялась 1066 м.

¹⁵ Совр. Салехард.

¹⁶ Александр Михайлович Сибиряков (1849–1933) – золотопромышленник, исследователь Сибири, один из инициаторов освоения Северного морского пути, участник нескольких плаваний по Карскому морю. – *Прим. ред.*

верной Сибири, с которым мы выпили несколько стаканов чая, пока меняли лошадей. У купца были венские булочки из Екатеринбурга, а у меня – чай из Самары. Я получил от Сибирякова адреса целого ряда жителей Сибири, которые впоследствии принесли мне большую пользу. Приехав в Екатеринбург, я остановился в одной из трех крупнейших гостиниц в городе, но номера в ней были настолько переполнены *прусаками* (так русские обычно называют тараканов), что мне было не по себе.

В наши дни еще встречаются люди с ошибочными представлениями о Сибири. Но, несмотря на свою плохую репутацию, эта земля, надеюсь, постепенно станет известной с лучшей стороны и превратится в страну будущего, причем не только для русских, но и для нас, скандинавов.

Сибирь, превышающая по размерам треть площади всей Азии, может быть разделена на три пояса: Северную Сибирь с тундрой, Центральную Сибирь с тайгой и Южную Сибирь, которая охватывает степи. Приведенная формула не исключает и другое деление: большая сибирская низина к западу от реки Енисей и сибирское высокогорье к востоку от нее. Самая высокая гора в Восточной Сибири насчитывает 11 000 футов¹⁷. Там во многих местах можно встретить прекрас-

---

¹⁷ Трудно достоверно определить, какую горную вершину имеет в виду автор. Учитывая, что в предыдущей фразе он говорит о «сибирском высокогорье к востоку» от Енисея, можно предположить, что речь идет о хребте Кодар в северной части Забайкалья и его высочайшей вершине (3072 м), ныне носящей название пик БАМ. – *Прим. ред.*

нейшие пейзажи и виды. Крупная восточносибирская река Амур (600 миль) протекает по обширной равнине, которая по своей плодородности может сравниться с прериями Америки. Сибирские реки прекрасно подходят для судоходства и разбросаны по всей территории этой земли. Только по одной Оби с ее притоками нынче плавает триста пароходов, как грузовых, так и пассажирских. Потратив большие средства, властям удалось соединить каналом Обь и Енисей¹⁸ в середине течения. Вместе с открытием Центрально-Сибирской железной дороги это сыграло большую роль в росте поездок и общем прогрессе всей территории. В 1896 году было так много переселенцев, желавших переехать в Сибирь, что новая железная дорога плохо справлялась с транспортировкой всего этого потока пассажиров. Летом 1896 года в Сибирь переехало 172 тыс. русских. В основном они селились в привлекательном амурском регионе, куда приезжали как колонисты. Каждый поселенец безвозмездно получал от российских властей достаточно большой участок для сельскохозяйственной деятельности. Скорее всего, там, где в этом году еще находятся лес и луга, в следующем году, как по манов-

---

¹⁸ Обь-Енисейский (Кеть-Каский) канал – единственный в Сибири искусственный водный путь между Обью и Енисеем. Работы по сооружению канала начались в 1885 г.; через 10 лет было сооружено 12 шлюзов, затем еще два. Построенная в конце XIX в. Сибирская железная дорога составила серьезную конкуренцию каналу, и его эксплуатация вскоре прекратилась. Перед Первой мировой войной начались исследования возможности расширения канала для проводки более крупных судов. Последний караван судов был проведен по каналу в годы Великой Отечественной войны. – *Прим. ред.*

вению волшебной палочки, вырастут новые деревянные избы. А если приехать туда спустя еще один год, можно будет увидеть, что земля возделана и везде красуются зеленые поля. Неурожайных годов там практически не бывает – сибиряки собирают не один урожай. Сибирская земля необычайно плодородна. Там, где климат этому благоприятствует – на 62° с. ш., – выращиваются все зерновые культуры. В Южной Сибири с учетом количества населения выращивается больше зерна, чем в какой-либо другой стране; при этом землю возделывают очень примитивными методами и ее практически никогда не удобряют навозом. Сибиряки, чтобы избавиться от навоза, обычно его сжигают. Сибирь производит около 100 млн пудов зерна ежегодно (1 пуд составляет около 33 датских фунтов)¹⁹, из них как минимум 20 млн пудов идет на экспорт. Земля богата природными ресурсами, которые весьма важны для современной промышленности. Промышленных предприятий в Сибири пока не очень много, около одной тысячи, наиболее значимые: водочные, черепичные и спичечные заводы, пивоварни, мыльное, стеклянное, фарфоровое производство и др. Маслобоек в Сибири пока еще мало, большинство жителей этого региона даже не знают, из чего делается сыр. Однако именно для этой отрасли там существуют прекрасные условия: обширные поля, почти бесплатная земля, на которой можно держать множество коров. Разведение скотины ведется неразумным способом: коровы

---

¹⁹ Пуд – около 16,4 кг, фунт (датский) – 0,5 кг.

пасутся под открытым небом практически круглый год, как летом, так и зимой, в том числе в сильные морозы. В Сибири еще толком нет нормальных хлебов, а коровы живут впроголодь, и о них никто не заботится. Как часто мне приходилось жалеть коров на улицах сибирских поселков в 30–40-градусный мороз, когда они, испачканные грязью и нечистотами, стояли и дрожали, понутив головы!

В Сибири большие запасы металлов, во многих местах могут золото, особенно в северо-восточном регионе. В 1893 году было добыто: 1776 пудов золота, 480 пудов серебра, 9800 пудов свинца, 13 298 пудов меди, 241 720 пудов железа, 185 996 пудов колчедана, 437 782 пуда каменного угля, 1 753 087 пудов соли. В горах Урала и Алтая в изобилии встречаются всевозможные драгоценные камни (алмазы, рубины и т. д.). В некоторых местах есть большие залежи графита, огнеупорной каолиновой глины, извести, гранита, мрамора, красного песчаника и др.

На огромных лесных просторах Центральной Сибири обитает множество видов съедобных птиц и зверей, а реки, заводи и озера изобилуют рыбой ценных пород.

Из-за необъятных размеров Сибири (она простирается на 40 градусов широты и более чем на 140 градусов долготы) не удивительно, что в разных ее частях существуют различные климатические условия. На юге Сибири летом жара достигает 40 °R в тени²⁰. Зима здесь длится около пяти месяцев

---

²⁰ Автор пользуется устаревшей шкалой градусов Реомюра (1 °R = 1,25 °C).

и очень морозна. В Центральной Сибири летом также случается жара – люди в такое время надевают только тонкую вышиванку или рубашку с легким сюртуком. Однако зима в этом районе сурова и длится около 5–6 месяцев. В Северной Сибири 8–8,5 месяцев лежит снежный покров и на реках лежит лед, а в лето, длящееся 3–4 месяца, далеко не каждый год случается жара. И тем не менее, однажды в Заполярье в районе Тазовской губы я зафиксировал более 20 градусов в тени в течение трех дней подряд. В остальные же дни того лета температура не превышала 10–15 градусов. Вода в заливах севера Сибири иногда, хотя и не больше трех недель, может иметь температуру 10–18 градусов.

В Сибири расположено немало крупных городов – например, Томск и Иркутск («Париж Востока», место проживания владельцев золотых приисков в Восточной Сибири), в каждом из этих городов проживает около 40 тыс. жителей. Можно также перечислить города с 10–20 тыс. жителей: Тюмень, Тобольск, Омск, Барнаул, Бийск, Семипалатинск, Красноярск, Енисейск, Минусинск, Владивосток, Кяхта, Чита, Нижнеудинск и др. Самые северные поселки – Якутск, Колымск, Сургут, Берёзов, Обдорск, Туруханск. Северная Сибирь мало заселена, русские вытесняют коренных жителей на север. Большинство коренных народов ведут кочевой образ жизни. В Северной Сибири живут несколько крупных

народов: буряты, тунгусы²¹, гольды²², гиляки²³ и т. д. В Южной Сибири живут богатые кочевые народы – киргизы²⁴ и др. Среди них встречаются люди, которые обладают стадами коров, овец и лошадей в 20 тыс. голов. Огромные пространства остаются незаселенными. В Центральной Сибири находится крупнейший в мире массив леса периметром несколько сотен миль.

Наиболее важные отрасли хозяйства в Сибири – горное дело, выращивание зерновых культур, торговля, промышленность, разведение скота, рыболовство, охота, добыча бивней мамонта. Каждый год на продажу поступают большие объемы мамонтовой кости с Новосибирских островов и из северо-восточных районов Сибири.

В последние годы, после того как многие министры и сам наследник трона пропутешествовали по этой земле и ознакомились с условиями на местах, было сделано многое для распространения просвещения. В городах были открыты школы-интернаты, две сельскохозяйственные академии, технические училища, начали читаться публичные лекции и т. д. В Томске открыт университет (медицинский факультет), где работают сорок профессоров и учатся несколько сотен сту-

---

²¹ Совр. эвенки.

²² Совр. нанайцы.

²³ Совр. нивхи.

²⁴ Под киргизами автор, скорее всего, имеет в виду казахов, которых в царской России называли тем же этнонимом.

дентов. Сюда приезжают на учебу студенты из самых западных районов европейской части России. Учиться в сибирском университете намного дешевле, чем на западе России, хотя это, естественно, не облегчает жизнь руководству этого учебного заведения. Старшее поколение бедноты и горожан среди русских сибиряков едва умеет читать и писать, однако нынче уже не редкость, когда молодежь умеет и то и другое. Горделивый аристократический дух царит здесь в высших слоях общества, а молодые дамы хорошо осведомлены о последних новинках парижской моды. В крупнейших городах Сибири далеко не редкость встретить людей, катающихся на велосипедах, – как правило, мужчин, так как сибирские амазонки пока еще относятся к велосипедам с предубеждением. В магазинах можно купить как товары первой необходимости, так и предметы роскоши. Все цены здесь ниже, чем на Фарерах. Пищевые продукты местного изготовления недороги: например, фунт мяса стоит всего 3–7 эре²⁵. То же самое можно сказать и о других продовольственных товарах, за исключением рыбы, которая временами, особенно в пост, дорожает в городах, хотя в остальной части Сибири ее можно приобрести почти за бесценок.

По мере развития транспортных коммуникаций между отдельными районами Сибири, а также улучшения сообщения с окружающим миром растут промышленное производство и экспорт, что начинает отражаться на ценах. Зимой

---

²⁵ Эре – 1/100 датской кроны.

многие продовольственные товары продаются на базарах в замороженном виде, даже молоко и яйца. При этом не следует покупать брикеты с замороженным молоком, так как его легко подделать.

Во время остановки в Екатеринбурге у меня появилась возможность увидеть, как сибиряки отмечают Масленицу. Когда начинается этот праздник, православным русским приходится отказываться от мясных блюд, а популярные у них *щи* (капуста)²⁶ можно есть не ранее утра в день Пасхи. Яйца и молочные продукты все же разрешены на период всей Масленицы. Обычной едой в эти дни являются блины из овсяной муки, которые съедают сразу после приготовления. Их ставят горячими на кухонный стол с полной миской растопленного масла, в которое присутствующие окунают блины. Русские обычно не пьют молоко в пост, вместо этого они его настаивают и дают ему прокиснуть. Для ускорения квашения они наливают молоко в узкие высокие глиняные кувшины и ставят их в печь, предназначенную для варки и выпечки. Сырную массу кладут в бочки, из чего получается народное блюдо, разновидность сыра со специями и изюмом, который они едят на Пасху. Сметану они взбивают в очень примитивных маслобойках, масло растапливается и таким образом теряет весь вкус. Его используют для выпечки, но никогда не употребляют в качестве намазки на хлеб, который они едят только с чаем, русским национальным напитком.

---

²⁶ Так у автора.

Во время Масленицы по пятницам, субботам и воскресеньям все высыпает на улицу и катаются на санях. Их на улицах многие сотни, самых разных типов, как простецкие, так и элегантные, запряженные небольшими сибирскими лошадьми чистой и смешанной породы. Чтобы движение не останавливалось, все, кто едет в одном направлении, используют одну сторону улицы, а те, кто едет в противоположном направлении, следуют по другой стороне. На лицах всех людей светятся радость и крепкое здоровье. Светлая улыбка на обветренных щеках женщин в шубах вызывает радость у любого, кто на них смотрит. Часто женщины сами ведут повозки вместо своих спутников, которые сидят рядом. На Масленицу народ также развлекается тем, что катается на коньках по льду.

Глава III

В Западной Сибири

Горное дело и промышленность в Екатеринбурге и окрестностях. – В сибирском поместье. – Батраки с зарплатой в 50 эре без питания. – Условия содержания коров. – Почему коровы сибирского помещика давали мало молока. – Поцелуй утром в Пасху. – Фаререц в роли пахаря в Сибири. – На охоте. – Лабиринты кротов. – В театре Тобольска. – По тюменской грязи

В настоящее время в окрестностях Екатеринбурга, с восточной стороны Урала, активно развивается горное дело – здесь находится множество фабрик, перерабатывающих заводов, серебряных, золотых и платиновых приисков, плавильных и литейных заводов, где из железа и меди изготавливаются листы и бруски. Неподалеку от Екатеринбурга находятся Уральские горы, известные своими богатыми залежами ценных и полезных минералов. В самом городе находится множество гравировальных мастерских, где производятся прекраснейшие произведения искусства. Из блоков ясписа²⁷ и мрамора вырезаются столешницы, капители, вазы и всевозможные строительные декоративные элементы. В других мастерских гравировались камеи и инталии по образцам

---

²⁷ Яспис (устар.) – яшма. – *Прим. ред.*

античных произведений. Проживающие в городе англичане основали несколько крупных механических заводов, а немец построил небольшую маслобойню. Из Екатеринбурга я отправился по железной дороге в Тюмень, где у меня была рекомендация (от Сибирякова) к фирме «Братья Уордроппер»²⁸. После нескольких дней приятного времяпрепровождения в этом городе, где кипела бурная деятельность, я отправился в крупное поместье, находившееся в нескольких милях от города, – им заведовал богатый русский из Москвы г-н Памфиловой²⁹, который был женат на дочери г-на Уордропера. К поместью относилась большая территория с лесами и лугами. Помещик был готов безвозмездно передать мне столько земли для возделывания, сколько я бы захотел. Предложение было очень заманчивым, но я на тот момент пока еще не задумывался о том, чтобы осесть на земле и заняться сельским хозяйством. Неподалеку от поместья находилась бедная деревенька с двенадцатью ветхими избышками, где жили крестьяне и работники поместья. Их жалованье составляло лишь 25 копеек (50 эре) в день без питания. У нас на Фарерах никому бы и в голову не пришло работать за такую низкую плату, но сибирский крестьянин нетребователен, может целый день обходиться чаем и сухарями, а если придется, полдня – самодельными папиросами.

Для возделывания своих полей у г-на Памфиловаго бы-

---

²⁸ Подробнее про фирму Уордропера см. гл. VII. – *Прим. ред.*

²⁹ Так у автора – *Pamfilovoj*.

ли достаточно современные сельскохозяйственные инструменты. Тем не менее он не обладал необходимым опытом их использования; культивирование осуществлялось достаточно устаревшим способом, хотя благодаря плодородию почвы и жаркому лету там выращивалось много различных зерновых культур, а также свекла, лен и картофель. От западных окрестностей Тюмени на восток до Томска простирается зона глубоких залежей чернозема, не имеющая четких контуров. Почва в этих местах необычайно плодородна, за исключением мест вблизи озер, где она закисляется и становится болотистой. Чем далее на север, тем больше чернозем сменяют глинистые и песчаные почвы, а погодные условия становятся все менее благоприятными для выращивания сельскохозяйственных культур.

Из поместья, где я наслаждался русским гостеприимством, я предпринимал короткие поездки по окрестностям, в том числе чтобы познакомиться со скотоводческим хозяйством местных крестьян. Здесь мне нередко приходилось испытывать разочарование. Когда я спрашивал крестьян о загонах для животных, в ответ мне говорили, что таких построек у них не имелось. Рогатый скот находился под открытым небом как летом, так и зимой, под снежными буранами и в лютые морозы. Кое-где коров на ночь загоняли под крышу – в совершенно темное, холодное строение, где животные могли свободно перемещаться. Или же, что случалось чаще всего, коровы могли – если в этом было хоть какое утешение

– укрываться под соломенной крышей, установленной на четырех столбах, которые были вбиты в землю на территории просторного двора, окружающего жилой дом. На этой соломенной крыше, не имеющей стен, всегда лежало какое-то количество корма (сено и солома).

К одной из стен дома был пристроен длинный низкий сарай с плоской крышей из веток или решеток. Этот сарай, также неотапливаемый и темный, был предназначен для лошадей хозяина, которых у местных крестьян обычно было по несколько штук. Сарай находился внутри ограды и мог занимать треть всего дворового пространства. В крупных западносибирских городах начали строить загоны для коров, более соответствующие современным требованиям, однако в сельской местности пока еще не просматривается никакого улучшения убогих условий содержания скота и ухода за ним. Крестьяне кормят коров исключительно сеном, но немногим более снисходительны к лошадям, которым иногда дают овес.

У Памфилового было около шестидесяти коров, которые зимой стояли в теплом, светлом, недавно построенном хлеву с подведенной к нему водой. Это был единственный настоящий хлев, который я увидел в сельской местности в Сибири. Днем коров всегда выгоняли наружу, даже при температуре -40°R . Г-жа Памфилова интересовалась у меня как у сына землевладельца, из-за чего ее коровы постоянно давали мало молока, несмотря на то что они были очень хорошей

породы, и как могло так случиться, что коровы ее работников, которые содержались в намного худших условиях и получали более скудный корм, почти всегда находясь в холоде и под снежными буранами, давали намного больше молока и лучшего качества, чем у нее.

Я с самого начала столкнулся с тем, что ее скот подвергался необычайно жесткому и жестокому обращению. Нередко можно было наблюдать, как свободно гуляющие животные лихорадочно спешили к корыту с водой, чтобы удовлетворить жажду. Но только несчастные животные начинали пить, работники из хлева накидывались на них с палками и кнутами и, извергая на них проклятия, выгоняли со двора. Соответственно, вечером, когда было нужно ставить коров в хлев, их загоняли туда с руганью, пинками и ударами, как только они смели посмотреть с вожделением на воду. Коров здесь, как и по всей России, привязывали за рога. Не было смысла делать работникам предупреждение или замечание: если их увольняли и нанимали других, то те проявляли себя такими же жестокими, бесчеловечными и бесчувственными по отношению к животным, как и их предшественники. В целом работники и слуги в России не выказывают особого рвения относиться с уважением к кому бы то ни было или проявлять терпение.

В поместье была масляная фабрика (для выработки масла из бобовых) и механическая маслобойка. Маслобой-лифляндец делал там кисломолочный сыр и прекрасное столо-

вое масло, которое продавалось в Тюмени по цене 1 крона за русский фунт (около 90 квинт³⁰). Осадок от производства масла использовался для кормления телят. Крестьяне продавали свое молоко на маслобойню, сами же его практически никогда не пили, а также не ели масла или сыра.

Во время моего пребывания на «Фабрике у Черного ручья», как называлось это поместье, русские праздновали Пасху. На утро первого дня Пасхи, когда я уже был готов покинуть свою комнату, ко мне зашел управляющий помещика, хорошо сложенный, рослый темноволосый русский, который, к моему полному замешательству, обнял меня и поцеловал три раза, сначала в губы, потом в обе щеки, после чего поздравил меня: «*Христос воскрес!*» Мне полагалось ответить: «*Воистину воскрес!*»

Еще с раннего утра крестьяне по примеру управляющего уже были сильно навеселе. Целый день они досаждали хозяев поздравлениями, прекрасно зная, что нельзя было нарушать старый обычай и отказать им в полстакане водки за каждое поздравление. В поместье, естественно, не имелось недостатка в еде и питье.

Выехав из «Черного ручья», я отправился через Тюмень и Шадринск в Ялutorовск, где у меня появилась возможность попахать на поле. Земля была, как и везде в Западной Сибири, ровной и рассыпчатой, без единого камня, поэтому было одно удовольствие идти за примитивным плугом – «*сохой*»,

---

³⁰ Примерно 330 г.

которую лошади долгое время могли тащить без остановки. Я также несколько раз съездил на охоту на рябчиков и глухарей, когда снег в лесу уже начал отступать. После того как тронулся лед, на реках и озерах появилось множество уток. Вдоль берегов многих рек и ручьев виднелись бесконечные норы и лабиринты кротов и крыс, поэтому земля иногда была такой изрытой, что охотник почти не мог сделать шага, не провалившись в землю.

3 мая 1890 года, пока дороги еще были в плохом состоянии, я отправился на повозке в Тобольск. Всю дорогу дул сильный ветер и шел ливень. На конном пароме мы переплыли реку Тобол. Повсюду была грязь и слякоть. По прошествии пяти дней я достиг цели, будучи весь забрызганный грязью. Однако прекрасная неделя, проведенная в Тобольске, вернула меня в наилучшее расположение духа. Помимо всего прочего я посетил пару аристократических балов и один раз сходил в театр. И хотя я мало что понял из диалогов, я хорошо развлекся. Декламации были очень реалистичными, а мимика и сюжет – непринужденными и естественными. После этого путь пролегал обратно в Тюмень. Там уже несколько дней с силой дул холодный восточный ветер, поэтому дороги подсохли и стали более пригодными для езды.

В Тюмени я поселился в свою прежнюю гостиницу «Щербакова» с ее уютными, тихими, но достаточно дорогими номерами (2–5 крон за ночь). Блюда были вкусными, а порции – большими, однако по сравнению с рыночными ценами –

дорогими. К примеру, английский бифштекс стоил 60 копеек (120 эре), полбутылки пива – 25 эре, вино – 4–7 крон за бутылку. Улицы в Тюмени после сильных дождей 19 и 20 мая стали совершенно непроходимыми из-за грязи и слякоти. Однажды, когда я не мог добраться в гостиницу, я взял дрожки. На одной из улиц движение полностью остановилось, наша лошадь стояла по грудь в грязи, поэтому мне пришлось «бродом» добираться до тротуара. Галоши потерялись, штаны и полы пиджака были напрочь испачканы – в таком виде я и добрался до гостиницы. Я не покидал номера, пока не начала отступать распутица.

Глава IV

Плавание по Туре, Тоболу и Иртышу

Я оставляю Тюмень. – Большая скорость. – Утки и затопленные берега. – Татарские коневоды. – Русские и татарские деревни. – Прибытие в Тобольск. – Поп, проповедующий на речной барже, кричит мне, чтобы я снял шляпу. – Мой приезд в город и знакомство с двумя молодыми сибирскими дамами. – Выезд из Тобольска. – Спокойные дни. – Автор крадет уток. – Русские деревенские дома. – Русская неприязнательность. – Чай и сахар. – Приезд в Самарово

Ночью выпало много снега. К 9 часам утра (10) 22 мая 1890 года белый ковер, покрывший город, уже сошел. Установилась ясная погода с небольшим западным ветром. Я выехал из Тюмени на принадлежащей фирме Уордроппер торговой шлюпке «Маргарита» (капитан – Миккельсен), которую отбуксировали в Тобольск при помощи парохода «Север». «Маргарита», грузоподъемность которой составляет 100 тонн, должна была отправиться в низовье реки [Оби] на север в Обскую губу, а оттуда в Тазовскую губу, где планировалось погрузить на борт пушнину и рыбу. Путь к маленькой реке Тура прошел быстро, так как из-за весеннего сезона течение было очень сильным. Везде, где были затоплены бе-

рега, между деревьями и кустами, торчащими из воды, можно было наблюдать уток различных пород.

Рядом с татарским городком с мечетью, находящимся на левом берегу в тридцати верстах от Тюмени, можно было с палубы видеть татар в пестрых одеждах, носящихся взад-вперед по широкой поляне на великолепных чистокровных конях. Это были коневоды, проводившие состязания. На зеленых лугах у городов паслись стада рогатого скота и отары овец. Изредка виднелись вспаханные поля, однако бо́льшая часть невозделанных земель, поросших пышной травой, предназначалась для использования в качестве пастбищ. Ландшафт выглядел идиллически. На затопленной паводком территории росли ивы, липы, осины и березы, далее выше на сухом месте в глубине зеленых полей в густых лесах вокруг деревень стоят ели, сосны и кедры. Большая часть домов была покрашена, чаще всего в белый и зеленый цвета, у отдельных домов были балконы или веранды, украшенные орнаментом фронтоны и завитые резные наличники зеленого цвета, что выглядело очень красочно. Во многих поселках над домами возвышался высокий шпиль с позолоченным куполом или минарет мечети с позолоченным полумесяцем. Мы плыли по реке так близко к правому берегу, что вполне можно было допрыгнуть до суши. Когда мы шли мимо населенных пунктов, редкое зрелище проплывающего судна привлекало людей к реке. К вечеру подул прохладный юго-восточный бриз. Сегодня утром в 5 часов в Тюмени было

0,5°, в 8 часов – 6°, в 2 часа – 10° и в 9 часов вечера – 4° (R).

Вечером 23 мая 1890 года мы приплыли к старому историческому городу Тобольск. Когда мы пришвартовались к причалу, по обе стороны нашего судна плавали льдины самых разных размеров. По пути мы задержались на двенадцать часов для пополнения запасов топлива и взяли с собой крупную речную баржу, которую «Север» должен был отбуксировать по Иртышу в Семипалатинск, где предполагалось загрузить ее пшеницей для дальнейшей доставки в Тюмень.

«Маргарита» простояла в Тобольске десять дней. 30 мая оттуда должна была отправиться в Обдорск первая рыбная баржа, которую в связи с этим вместе с ее экипажем благословлял священник. На этом торжественном событии присутствовало много людей. Люди стояли без головного убора, крестились и кланялись перед иконами святых и хоругвями, которые были принесены на баржу. Там проповедовал поп, на котором была белая ряса, достигавшая затылка, и черная ермолка³¹. Вдруг поп остановился и прокричал: «Эй, барин, шапку сними!» Поскольку я был в неведении, что это было обращено ко мне, я промешкал и не снял свою турецкую шапку. На этом священник повторил свое требование еще громче. Я сдвинул головной убор на затылок и пошагал по направлению к городу.

По дороге к базару я заметил двух прекрасных молодых дам аристократической внешности, на лице которых было

---

³¹ У автора – *Kalot*, «ермолка», «тюбетейка». Имеется в виду, видимо, скуфья.

написано любопытство. Поправив криво сидевшую на мне шапку, я вознамерился поприветствовать дам и представить-ся. Ведь в чужой стране обязательно должно случиться какое-то приключение! Поскольку дамы стояли у торговой лавки, не выказывая намерения торговаться, а вместо этого искоса глядели в сторону, где я стоял, чтобы рассмотреть подержанные товары старьевщика, я подошел к ним и поприветствовал, почтительно извинившись за беспокойство. Я ожидал быть встреченным рассерженным взглядом, однако этого не случилось. Весьма льстивым голосом обе дамы, дочери ссыльных русских *бояр*, сообщили мне на немецком языке, что для них было большим удовольствием поприветствовать добродушного иноземца такой редкой национальности, как фарерская. После нескольких неуверенных фраз и багрянца на щеках у обеих сторон эта необычная встреча закончилась тем, что две юные прекрасные дамы дали мне свои адреса и пригласили меня домой на ужин при условии получения родительского согласия. Я с ними вежливо распрощался и, необычайно довольный, вернулся на борт судна, чтобы найти капитана и рассказать ему о случившемся со мной забавном приключении. Это было в полдень, солнце улыбалось, посылая свои теплые лучи на дышащую весной землю. На другой стороне реки находился затопленный кустарник, вокруг которого плавало бесчисленное множество черных и серых уток. Сверху слышалось кукование кукушки. Я одолжил лодку и поплыл на другую сторону реки, что-

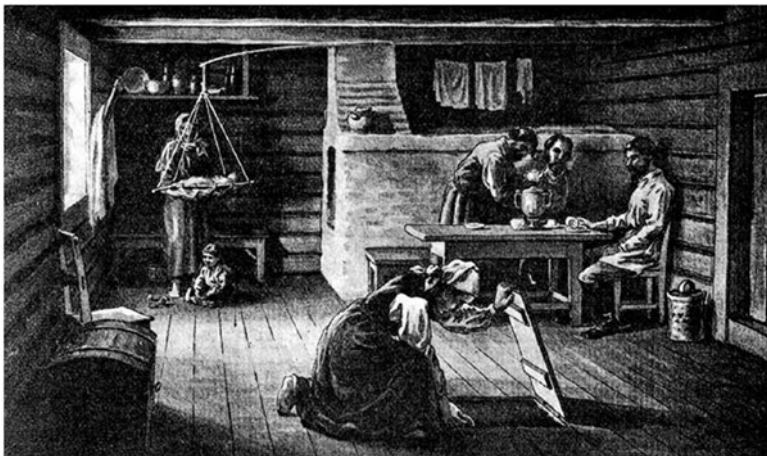
бы приятно провести день в охоте и речной прогулке, а затем вечером в прекрасном настроении духа пойти на ужин к прекрасным дамам.

Вернувшись на судно после полудня, я встретил г-на Знаменского, высокопоставленного городского чиновника, правую руку губернатора. Во время моей первой остановки в Тобольске я уже его приветствовал. Я с ним переписывался еще до отъезда из Швеции.

В 18.30, одевшись в элегантный новенький фарерский национальный костюм, я отправился в город во исполнение приглашения. Две изящные дамы собрались со своими семьями в назначенном доме, и было бы излишним говорить, что встречен я был очень любезно и гостеприимно. Там было в изобилии все, что свойственно цивилизованной светской жизни. Поздно вечером я опять пришел на судно. В моей голове еще звучали веселые песни, исполненные юной красавицей под аккомпанемент фортепьяно, что позволяло мне не обращать внимания на неудобную, жесткую койку, в которую я лег спать.

Я провел в этом городе три дня. Было тяжело на сердце и грустно, когда настал час расставания с милым Тобольском. Благодаря моему веселому лицу и простому нраву у меня там появилось много друзей.

В крестьянской избе

Накануне отплытия, после того как на борт были подняты последние товары и провиант, а также наняты *караваны* для рыбного промысла на станциях (караваны – люди с сомнительным прошлым, из низов)³², к нам с визитом пришли *исправник*³³ (в Сибири – самое высокое должностное лицо после губернатора) и городской врач. Они совместно проверили провиант, ради чего врач подверг экипаж и караванов досмотру – если кто-то страдал какой-либо формой инфекции, его надлежало снять с борта.

³² У автора – *Karavanerne*. Автор использует слово «караван» в значении «грузчик на судне». Учитывая, что одним из первых значений этого слова было «вьючное животное», его трактовка становится понятной.

³³ Исправник – глава полиции в уезде, подчиненный губернатору. – *Прим. ред.*

3 июня, в очень погожий день, мы отшвартовались и с приспущенными парусами пошли по течению. Севернее от города над рекой на высоте приблизительно 500 футов возвышался крутой обрыв, к северу он снижался. У большой деревни в четверти мили от города ширина реки была небольшой. По обрыву ходили люди, занятые каким-то делом. С палубы шлюпки до них доносились песни и музыка. Матросы и караваны были достаточно пьяны и крайне веселы. В первый день капитан не мог и заикаться о дисциплине – команде разрешили пить и делать на палубе все, что заблагорассудится. На судне не было ни одного трезвого человека кроме меня и юноши, стоявшего у штурвала. Но на следующий день о пиршестве уже никто и не вспоминал, почти все были трезвы, и большинство тех, кому было чем заняться, уже были погружены в деятельность: некоторые из караванов скрепляли бочки, в которых на рыбных станциях должна была солиться рыба, другие приводили в порядок сети и лески.

У матросов забот было меньше. Погода была спокойной, поэтому от парусов не было никакого проку.

День оставался хорошим и безветренным. Поскольку судно шло исключительно за счет силы течения, у меня часто была возможность выплывать на своем каноэ к затопленным паводком кустарникам или приставать к берегу и идти на охоту. Судно тем временем продолжало свой путь на север, но за несколько часов я его всегда догонял. Благодаря мо-

ей охоте экипаж снабжался свежей птицей. Но тут я должен признать, что, когда я натыкался на диких уток, которые вели безнадежную борьбу за жизнь в силках, установленных русскими охотниками на пологих песчаных островах, я обычно прекращал страдания птиц и, как правило, прибирал эту добычу к рукам.

Мы прошли множество деревень, которые были окружены ровными зелеными вспаханymi полями. В ряде мест мы бросали якорь. Я, естественно, тоже сходил на берег. Дома были сделаны из круглых бревен (бревенчатые избы), которые ни снаружи, ни изнутри не были обшиты досками или панелями. Обычно внутри них была одна или две комнаты, гостиная и кухня. В гостиной на расстоянии $\frac{3}{4}$ локтя от потолка находилась антресоль, которая зачастую расположена у входа, так что входящий должен нагибаться, пока он не дойдёт до центра комнаты. Такая антресоль (*полати*) также есть в норвежских избах, где она может использоваться как спальное место. В сибирской деревенской избе нередко можно услышать реплики, идущие как бы ниоткуда, — их произносят люди, которые лежат и отдыхают на таких полатах, где температура заметно выше, чем внизу. На полати можно забраться по узкой лестнице, которую, когда она не используется, прикрепляют к стене. Лишь в немногих домах есть кровати. Русские предпочитают лежать на теплых полатах, на печи или просто располагаться на полу, на который, как правило, предварительно кладут овечью шкуру или ка-

кие-нибудь куски материи. Люди обычно идут спать полураздетыми. Если в избе есть кровать, она ночью, как правило, стоит пустой, а днем на ней хранятся ковры, шкуры и материи, которые используются для настила на полу.

Гостиная не очень велика. Утварь состоит из нескольких простеньких стульев, тяжелого прямоугольного стола из сосны, пары сундуков и ткацкого станка. Маленькие окна украшены красивыми ухоженными домашними растениями в горшках. Так же как и в некоторых удаленных деревнях в Вестланне на западе Норвегии, детские колыбели вешают на высокий гибкий шест, толстый конец которого упирается в потолок. Если несильно потянуть за веревку, привязанную к колыбели, та благодаря гибкости шеста начинает двигаться вверх и вниз. Колыбель висит на высоте нескольких локтей от пола; ее покачивания усыпляют ребенка. Это оказывает гораздо менее вредное влияние на его душевное состояние, чем в случае обычных колыбелей, стоящих на полу. Старательные домохозяйки ткут грубое полотно для верхней одежды мужчин и серо-коричневое сукно для мужских *зипунов* – своего рода верхней куртки. Разведение льна, которое здесь широко распространено, так или иначе создает женщинам очень много работы.

Непритязательность русских хорошо известна. В деревнях у Оби люди кормятся почти исключительно чаем, хлебом и огурцами, солеными или свежими. В одном из домов, куда я нанес визит, я купил у хозяйки несколько куриных

яиц, которые она мне сварила и подала с сухим черным хлебом домашнего приготовления. Масло или другие добавки к хлебу там не существуют в принципе. К яйцам я получил плохо заваренный листовой чай. Домочадцы сели за стол со мной. Внутрь зашло несколько односельчан, которые приветствовали сидящих: *«Здравствуйте! С чаем, с сахаром!»* Среди простого народа обычно принято говорить *«приятного аппетита!»*. Если вы встретили человека за обедом, то тогда надо говорить: *«Хлеб и соль!»* или *«Приятного кушанья!»*.

После примерно двухнедельного плавания мы достигли грузового порта Самарово³⁴ у места слияния Иртыша с Обью, не испытав потребности в использовании парусов, потому что все это время был полный штиль.

---

³⁴ Совр. Ханты-Мансийск. – *Прим. ред.*

Глава V

На реке Обь

Самарово, город диких гусей и откормленных телят. – Вниз по Оби. – Окна из телячьих желудков. – Рыбные баржи. – Земля для туристов. – Малая Обь и Большая Обь. – Вид на самый северный пик Урала. – Приезд в Обдорск. – Охота на рябчиков в тундре. – Северные птицы и ласточки. – Опасности посещений сибирских паровых бань. – Остякский идол. – На рыболовной станции. – Охота на болоте. – Турухтан. – Черные лисята. – Солнце днем и ночью. – Прогулка на лодке. – Жаркое из лебедя

В Самарове живут 500 человек. Это охотники, чье главное занятие весной – добыча гусей. Для охоты используются манки, каждый из которых помогает поймать от 5 до 10 птиц. Мы причалили к берегу у деревни. Кок сошел на сушу для пополнения провианта, принеся по пути обратно свежее молоко, несколько тушек гусей по 30 копеек за штуку, а также откормленного теленка, стоившего 80 копеек (160 эре). На широте Самарова заканчивается зона культивирования зерновых культур, поэтому здесь выращивают капусту и другие овощи, свеклу, картофель, а также траву. Почва вокруг города очень глинистая и песчаная. После шестичасовой остановки мы поплыли дальше. Это было 13 июня 1890

года. Погода была прохладной, дул северо-западный ветер, а во второй половине дня выпал мокрый снег. В нескольких верстах от Самарова нас догнала лодка-плоскодонка, в которой гребли двое мужчин, а третий на корме управлял ходом при помощи весла. Лодка шла по направлению к нам и остановилась у правого борта. Из люка в передней части сводчатой надстройки посреди лодки показалась голова священника, который поднялся на судно и сообщил, что следовал по пути из Тобольска в Обдорск, но очень устал от дороги, и поинтересовался, не могли бы мы взять его со спутниками на борт до Обдорска. Г-н Миккельсен тут же ответил отказом на его просьбу, так как каюта была слишком мала, чтобы вместить трех человек. Опечаленному священнику поэтому пришлось покинуть судно. Я почувствовал к нему жалость, но в любом случае он бы добрался до места назначения быстрее, чем мы.

Во время дрейфа (паруса постоянно были приспущены) мы проследовали мимо множества остякских³⁵ юрт (деревень), состоявших из нескольких десятков избушек (низкие, неприглядные бревенчатые дома). Во многих из этих домов в окна было вставлено маленькое стекло или телячий желудок, растянутый на деревянной раме. Остяки, постоянно проживающие в районе Оби, почти все крещенные – в некоторых деревнях мы видели небольшие часовни.

15 июня мы находились на 64° с. ш., ночи уже начали ста-

---

³⁵ Остяки – совр. ханты.

новиться белыми. В течение нескольких недель мы с нетерпением ждали того момента, когда солнце будет светить целые сутки. Мы проходили мимо множества барж, пришвартованных у пологих песчаных берегов, где занимаются рыбным промыслом, бросая невод. Первая рыбная баржа находилась неподалеку, к северу от Самарова.

Левый берег Оби по большей части низкий и часто затапливается, тогда как на правом много высоких обрывов или живописных песчаных отмелей, за которыми следуют луга, как правило, находящиеся рядом с русскими, вогульскими³⁶ или остякскими деревнями. Местные жители летом ловят рыбу, а также в разные времена года охотятся на лосей, медведей, белок, лисиц и др. Во многих деревнях, которые я посетил, на стенах домов сушились растянутые лосиные шкуры. По обе стороны реки – густые леса, практически непроходимые даже для охотников. Путешественникам, интересующимся охотой и рыбалкой, можно порекомендовать совершить поездку в северные районы Сибири, где можно поохотиться на тюленей и дельфинов, а затем осенью южнее – на медведей, лосей, куропаток, уток и т. д., имеющих в изобилии в сибирских лесах и озерах.

В 300 верстах к югу от Обдорска Обь разделяется на два рукава. Наконец-то подул попутный ветер, мы проплыли через естественный канал из более крупного и более широкого рукава в более узкий, называемый Малой Обью. В устье это-

---

³⁶ Вогулы – совр. манси.

го узкого рукава находилось остяцкое становье, состоявшее из трех чумов. В ста верстах далее к северу рукава соединялись в одно русло, усеянное множеством островков самых разных размеров. Местами на берегах виднелись куски льда, а в ложбинах у берега – сугробы. На северо-западе пред нами предстало величественное зрелище Уральских гор. Погода стояла ясная, благодаря чему отчетливо были видны контуры покрытых снегом вершин на фоне чистого синего неба.

19 июня мы оказались в 75 верстах к югу от Обдорска, где из-за тумана нам пришлось причалить к берегу. На следующий день опять установилась ясная погода. Мы проплыли еще какое-то расстояние, а после обеда встали, найдя укрытие от ветра рядом с одним из островков в паре *верст* от Обдорска.

Судно не было видно с суши – капитан совершенно не хотел, чтобы его посетили представители местных властей, не желая иметь с ними никаких дел.

Иногда бывает трудно вести дела с полицией и таможней. Я с капитаном и двумя матросами направился к суше на лодке. В маленьком отдаленном городке Обдорск находится много красивых домов, а также деревянная церковь. Во время нашего прибытия там как раз велась работа по возведению большой и красивой каменной церкви. Руководителя строительных работ, немца, выписали из Лифляндии. В Обдорске живет много богатых купцов, их деревянные дома с внешней стороны нередко украшены орнаментами.

Мы посетили нескольких купцов – нас угощали наилучшим образом. В Обдорске обитают различные аборигенные народы – остяки, вогулы и юраки (юраки-самоеды). Их землянки, шалаши из еловых веток и чумы находятся неподалеку от берега на окраине города. Мы увидели много представителей местных народов на улицах, гулявших в задвинутых на затылок капюшонах, пришитых к меховым курткам. Когда мы покинули город на лодке, пред нами предстал прекрасный вид, где в вечернем багрянце над другими зданиями возвышалась красивая обсерватория.

На берегу, где еще оставалась узкая полоска снега, уже прыгала пара вестников лета – красногрудых певцов³⁷

---

³⁷ Автор, скорее всего, имеет в виду снегирей. – *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.